

Александр Ватлин

В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения Перестройки*

Великая Отечественная война и горбачевская Перестройка остаются двумя самыми востребованными сюжетами прошлого, если речь заходит о попытках измерить состояние исторической памяти современных россиян. Я ставлю вопрос об оправданности самого понятия «поколение Перестройки» – и отвечаю на него утвердительно. Общим знаменателем этого поколения – и одновременно последним из череды «больших мифов», определявших историческое сознание российского и советского общества в XX веке – стала идея возвращения к «истинному социализму». Речь пойдет об основных составляющих этого мифа, о причинах его стремительного угасания. И наконец, о том, что осталось от него в сознании и поведении современных россиян, в исторической культуре нашего общества.

Главным источником размышлений является личный опыт автора в ту эпоху – на годы Перестройки пришлось мое становление как историка. Побудительным мотивом стало не то чтобы желание сделать заявку на мемуары, «земную жизнь пройдя до половины». Тут доминируют прагматические соображения: из года в год общаясь со студентами, сталкиваешься с удивительным фактом – молодому поколению приходится разъяснять то, что моим ровесникам казалось совершенно естественным и само собой разумеющимся. Я имею в виду мировоззренческие и поведенческие стандарты эпохи Перестройки.

Несколько слов о самом алгоритме появления «больших мифов», которые сопровождают исторический процесс практически на всем его протяжении. Такие мифы проецировали прошлое на будущее, организуя и мобилизуя пространство народной памяти. В Европе, начиная с эпохи великих революций их формулировали интеллектуальные элиты, поднимавшиеся по социальной лестнице и вступавшие в борьбу за перераспределение в свою пользу политических и материальных ресурсов. В России же такие мифы подспудно зрели и вынашивались «вниз», но только «сверху» они получали удобную для власти трактовку и транслировались в национальном масштабе. Не будет преувеличением сказать, что они являлись совместным проектом власти и общества, неважно, шла ли речь об известной триаде графа Уварова или мировой революции большевиков.

---

* Расширенная версия статьи, опубликованной первоначально в журнале *Вопросы истории* (2013. № 2).

«Социализм с человеческим лицом» стал последним из таких проектов¹. Кратковременность его существования не позволила в полной мере оценить то, насколько он захватил все общество во второй половине 80-х гг. На протяжении четверти века о нем писали исключительно его бывшие приверженцы. Или наоборот, не писали, и даже старались не вспоминать – ведь вспоминать об утраченных иллюзиях бывает немножко стыдно и даже больно. И все же наличие солидных работ, посвященных историографической составляющей мифа о возвращении к истинному социализму, позволяет обратиться к данной теме «без страха и упрека»².

Поиск в Рунете приводит к удивительному результату – большинство авторов статей и постов, говоря о поколении Перестройки, трактует его как людей, родившихся во второй половине 80-х гг., либо входивших в те годы во взрослую жизнь³. Подобная неразбериха заставляет сказать несколько слов об авторском понимании этого термина. Исчерпывающую характеристику поколения и его роли в историческом процессе дал Карл Мангейм, видевший в нем прежде всего «интеллектуальное и духовное сообщество». Смена поколений оказывается тождественной смене господствующего образа мыслей, в ходе которой передается накопленное культурное наследие⁴. Современная трактовка поколения, данная Ульрикой Юрайт, подчеркивает не общие возрастные границы, а совместную самоидентификацию и отграничение от «других»⁵.

Таким образом, речь идет о сообществе, базисные характеристики которого не заданы извне, а выработаны в процессе внутренней коммуникации (*gefühlte Gemeinschaft*). Однако решающим толчком к его оформлению как раз и оказываются знаковые исторические события. Наиболее яркий пример, детально разобраный историками и филологами – «поколение августа четырнадцатого», всемирная война для которого не закончилась никогда⁶. О влиянии русской революции 1917 г. на формирование поколения ее приверженцев как «нового антрополо-

---

¹ Все, что было после него – «общий европейский дом», «скачок в капитализм», «особый путь евразийской державы» – являлось верхушечными проектами политтехнологов, и общество оставалось к ним равнодушным.

² Пионерской работой стала книга Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова *История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества* (М., 1991). Интересные мысли и в двух изданиях сборника *Исторические исследования в России*. См. также: Чечель И. Исторические представления советского общества эпохи Перестройки: образы историографии. Сборник статей. М., 2000. С. 199-234. Новый всплеск интереса к данной проблематике приходится на вторую половину прошедшего десятилетия, когда в интеллектуальной элите стал все более явственно ощущаться дефицит объединяющих ценностей. Одна из наиболее удачных синтезирующих работ этого периода: Копосов Н.Е. История строгого режима. История и политика в России. М., 2011.

³ См., напр.: Семенова М. Поколение X: поколение Перестройки или «потерянное поколение» // Смена. 2009. № 1740. Октябрь.

⁴ Мангейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений. М., 2000. С. 22, 27.

⁵ Jureit U. Generation, Generationalität, Generationenforschung // Docupedia-Zeitgeschichte. 11 февраля 2010. URL: <https://docupedia.de/zg/Generation?oldid=75515>.

⁶ См. ряд статей сборника: *Generationalität und Lebensgeschichte im 20. Jahrhundert* / Ed. J. Reulecke. München, 2003.

гического типа» писал Н.А. Бердяев⁷. «Поколение без условностей» как функциональная элита «третьего рейха» представлена в исследовании Михаеля Вильдта, соединяющем в себе основательную эмпирическую базу и обобщения на уровне исторической социологии⁸. Работы отечественных авторов показывают, что и в российской революции тон задавали не кадровые революционеры, а солдатская масса, отличавшаяся возрастным и гендерным единством, спаянная страшным военным опытом и использовавшая его для реализации собственных представлений о «светлом будущем»⁹.

Поколение, как справедливо утверждает Юрайт, в не меньшей степени структурирует историю, чем класс, социальная группа или гендер, оно формирует и откладывает в копилку памяти свой собственный, уникальный и узнаваемый пласт освоенного социального опыта. Применительно к историческим оценкам это не только то, о чем предпочитают вспоминать или забывать, но и то, каким образом вспоминают. Подобно беседе со случайно встреченными земляками, с представителями своего поколения вы столь же быстро найдете общую тему для разговора. Вы можете соглашаться или спорить с ними о прошлом далеком или пережитом, но в любом случае вы будете разговаривать «на одной волне».

Выделяя специфику поколенческого среза в историческом сознании, необходимо иметь в виду три формы связи прошлого с настоящим, о которых говорил всегда актуальный Ницше: «История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему, и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении»¹⁰. Первое, с достаточной долей условности, – это нынешнее поколение россиян, второе – поколение советской эпохи. Зажатыми между ними оказались те «страждущие и нуждающиеся в освобождении», для которых познание прошлого являлось заветным ключиком, освобождающим от оков постылого настоящего – я имею в виду поколение Перестройки.

---

⁷ «Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором». Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101, 113 и сл.

⁸ Wildt M. Generation des Unbedingten: Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes. Hamburg, 2002. Согласно данным автора, руководство гитлеровской машины террора – Главного управления имперской безопасности (РСХА) – на две трети состояло из людей, родившихся в 1900-1910 гг. и знакомых с войной только по рассказам взрослых.

⁹ См. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

¹⁰ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // он же. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 168.

Поколение Перестройки в битве за историю

Известная фраза Алексиса де Токвиля о том, что в демократическом обществе каждое новое поколение образует особый народ, не требует особых комментариев и давно уже распространена за пределы классической демократии западного образца. Артур Шлезингер-младший, развивая идеи Токвиля, пришел к выводу о тридцатилетних циклах американской истории, определяемых через поколенческий опыт и несущих в себе как реформаторский порыв, так и неизбежный откат, закрепление достигнутого¹¹.

Данная схема вполне приложима и к алгоритму российской истории XX века: Столыпин – Сталин – Хрущев – Горбачев. Дело, конечно, не в арифметических совпадениях «тридцатилеток», а в том, что каждый из названных лидеров своими действиями реагировал на сигналы нового поколения, вполне созревшего для того, чтобы взять в свои руки рычаги власти. Эпоху радикальных реформ, выглядевших «революцией сверху», каждый раз сменяла фаза консолидации, воспринимавшаяся как «застой». Эта фаза была искусственно затянута в годы правления Брежнева и перечеркнула созидательный потенциал советских «шестидесятников». Именно они в годы Перестройки упрекали нас, мечтавших о сломе надоевшей системы, в том, что мы (в отличие от них) не пройдем испытания сытостью. Речь шла не столько о материальном достатке, сколько о расслабленности, изнеженности и пассивности тех, кто на своем веку не пережил настоящих испытаний, совпадения внешних импульсов и внутренней мобилизации (политическая оттепель, освоение целины, рывок в космос, ударные комсомольские стройки и т.п.).

Сигналом к активизации поколения, шедшего за «шестидесятниками», стал даже не сам Горбачев, а физическая смерть его предшественников. Конвейерные похороны оставили в памяти полувоенное оцепление центра Москвы и всплески анекдотов по этому поводу («Вам нужен пригласительный билет на похороны? – Нет, у меня абонемент»). Показательный уход из жизни целого поколения советских вождей стал важным фактором десакрализации окружавшего их идеологического пространства, и в то же время породил массовые надежды на то, что «наконец-то пришло наше время».

К середине 80-х гг. в менталитете советских людей 25–45 лет сформировалось не только отвращение к «прогнившей системе», но и ощущение кануна чего-то принципиально нового. Впервые прорыв в будущее не связывался ни с военными действиями (ядерный паритет делал свое дело), ни с революционно-диссидентской перспективой (мощь КГБ никем не ставилась под сомнение). Выход из кулонного подполья связывался с давно назревшими реформами сверху, с совершенствованием, а не демонтажем существующей системы. Нужен был лишь

---

¹¹ «Именно жизненный опыт поколения – вот что играет роль главной движущей силы политического цикла». Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1998.

вождь, способный внятно артикулировать общественное нетерпение и отмежеваться от предшествующего поколения. И он появился.

Поколение Перестройки слишком долго ждало своего часа. Оно отчасти напоминало засидевшуюся в девках невесту, готовую пойти «хоть за кого». Отсюда выросла неожиданная для властей динамика ментального освобождения от груза мертвой доктрины, невиданная социальная активность, готовность признать свою долю ответственности и за брежневский застой, и за конфронтацию с Западом. Этот потенциал было трудно не заметить, и первые выходы М.С. Горбачева в народ, пусть даже сопровождавшиеся разговорами не о чем, оказались очень точным пиаровским ходом.

Господство идеологизированного марксизма внедрило в советское общество уверенность в том, что будущее можно конструировать. Фактически это являлось затянувшимся финалом проекта Просвещения, утверждавшего в рамках линейного понимания прогресса, что человеческая сущность стремится к добру, несмотря на все препоны и заблуждения, которые она встречает на этом пути. Чернобыль, целая серия катастроф на транспорте показали Горбачеву, что простым ускорением социально-экономического развития здесь не обойтись. Необходимо было мобилизовать не только физические и умственные ресурсы советского человека, но и вновь завоевать его душу, которая давно уже не принадлежала коммунистам.

Интуитивно Горбачев, не являвшийся историком, понял, что для этого необходимо восстановить единство между прошлым и будущим, нарушенное догматизмом и косностью бывших правителей СССР. «Непредсказуемое прошлое» раздражало новое поколение не меньше, чем воздушные замки светлого будущего. Крупицы правды о реальном состоянии дел в стране и мире порождали пугающие параллели с подлинным, а не придуманным прошлым. «С учетом роли истории в легитимации советского строя неудивительно, что его развенчание также состоялось на территории истории»¹².

Ситуация кануна Перестройки напоминала Францию 1940 г. – горечь поражения вернула французам чувство сопричастности к прошлому, которое до того многие считали чужим. «С этого момента История не могла уже оставаться просто предметом незаинтересованного знания или особой специализации. Она стала тем способом, каким современный мир предстает перед каждым из нас»¹³.

В полной мере это относилось и к самому Горбачеву. В своих мемуарах последний советский лидер подчеркивает, что его политика «гласности» отталкивалась не от норм гражданского общества и правового государства, а от истории ВКП(б). «Этот вопрос всегда меня интриговал. Тем более что внутри партии гласность в первые годы не ограничивалась. Помню, я был просто восхищен, ко-

---

¹² Копосов. История строгого режима... С. 111.

¹³ Арьес Ф. Время истории. М., 2011. С. 249.

гда впервые читал стенограммы VII – XI съездов»¹⁴. Возвращение читателю книг, не издававшихся в советскую эпоху, публикация архивных материалов – все это создавало благодатную почву для формирования новой исторической памяти, настроенной на радикальную переоценку прошлого. Более того, за словами немедленно следовали дела: 28 сентября 1987 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС была создана специальная комиссия по рассмотрению дел, связанных с политическими репрессиями.

Подготовка доклада Горбачева к 70-летию Октябрьской революции стала увертюрой к «исторической революции сверху». В то же время в докладе заметна попытка кодифицировать правильный образ ранней советской истории. Для власти вопрос стоял не в освобождении общества от оков прогнившей доктрины, а в ее модернизации. На заседании Политбюро 31 октября 1987 г. генсек, признавая непостижимость сталинского террора, подчеркивал позитив межвоенной эпохи: «Ленинский путь отстояли. Возможность победы социализма в одной стране доказали»¹⁵. Однако главным было не это, а то, что власть задала вектор поиска исторической правды, на который с готовностью откликнулась общественность, жаждавшая перемен. Появилась духовная среда, благоприятная для самоопределения поколения Перестройки.

Формирование новой картины советского прошлого

Идеи ноябрьского доклада были развиты и конкретизированы Горбачевым в книге *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*¹⁶. Целый раздел книги был посвящен Ленину, которого мы не знаем, особенно его последним работам. Отдельно представлен более широкий взгляд на «уроки истории»: ни разу не упомянув Сталина, генсек перечислил аргументы в пользу его политики форсированной индустриализации и сплошной коллективизации¹⁷.

Тем более удивительно то, что подавляющее большинство советских людей на исходе 1987 г. поверило в серьезность намерений Горбачева, несмотря на очевидную «зализанность» его исторической аргументации. Впервые сигналы шли не

---

¹⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 1. С. 314.

¹⁵ Цит. по: Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972-1991 годы. М., 2010. С. 732. Позже в мемуарах Горбачев сохранял верность оценкам, данным в 1987 г.: «Болезнь помешала Ленину завершить эту колоссальную переоценку, в результате которой могла появиться на свет совершенно иная концепция развития, чем та, которую взял на вооружение Сталин». Горбачев. Жизнь и реформы. С. 366.

¹⁶ «Суть перестройки именно в том и состоит, что она соединяет социализм и демократию, теоретически и практически полностью восстанавливает концепцию социалистического строительства». Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 81.

¹⁷ Там же. С. 34-39. В некоторых пассажах без труда можно было расслышать даже сталинское «жить стало лучше, жить стало веселее»: «Люди радовались жизни, умели веселиться, растили детей, занимались своими повседневными делами». Там же. С. 38.

напрямую из ЦК КПСС, и даже не со страниц газеты *Правда*. Появление в журнале *Огонек* статьи о Бухарине еще до реабилитации последнего, публикация в толстых журналах литературных произведений об эпохе Сталина¹⁸ – все это вызвало тогда настоящий восторг мыслящей и читающей части общества. Власть разрешила ему «снять маску» (М.М. Пришвин), добровольно пошла на десакрализацию (пусть даже частичную) пространства исторической памяти.

В качестве руководящей и направляющей силы этого процесса был определен Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, еще недавно одиозный хранитель партийных ценностей. Руководители его подразделений получили масштабные задачи – написать новую историю КПСС, Коминтерна, Великой отечественной войны и т.д. Под эти проекты в ИМЛ пришли известные историки из Академии наук СССР, молодежь, только что закончившая обучение в университетах, в том числе и автор этих строк. На нас, зеленых и беспартийных, некоторые из старых сотрудников смотрели как на папуасов, доставленных к королевскому двору. У них самих, говоря словами поэта Бориса Слуцкого, «благопристойность бытия вела к неинтересности сознания».

Началась эпоха творческого противостояния старых и новых подходов в рамках отдельно взятого учреждения, которое впервые в своей истории стало научным. И все же безусловного лидерства ИМЛ, обладавший монополией на партийные архивы, так и не смог завоевать. В условиях, когда «историками стали все», профессионалы уступили лидирующие позиции публицистам-любителям¹⁹.

Если во второй половине 1987 г. Горбачев задал вектор пересмотра истории, то уже в начале следующего года, очевидно, не без совета своих товарищей по Политбюро, стал указывать на границы дозволенного. На февральском пленуме ЦК КПСС прозвучали явные реверансы в сторону консерваторов: «нельзя видеть в отечественной истории лишь цепь кровавых преступлений». В своих мемуарах генсек не скрывал своего удивления от того, что к его словам не прислушались: «просветления умов и после февральского Пленума не произошло»²⁰.

Сигнал о необходимости защищать позиции социализма был понят по-разному – 13 марта 1988 г. в *Советской России* появилась известное письмо Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Помню, в тот день весь ИМЛ затих и сосредоточенно шуршал газетами, а затем шушукался по углам. Сигнал сверху был понят правильно – в низовых партийных организациях началось обсуждение письма как директивного документа, сторонники «торможения» подняли голову. Однако их радость была недолгой. Статья в *Советской России* вызвала неподдельное возмущение Горбачева, заставив взять жесткий тон по отношению к оппонентам в Политбюро. Последующие дискуссии вокруг письма, и в руководстве

¹⁸ Приставкин А. Ночевала тучка золотая // Знамя. 1987. № 3-4; Рыбаков А. Дети Арбата // Дружба народов. 1987. № 4-6.

¹⁹ Бордюгов, Козлов. История и конъюнктура... С. 3, 30-49.

²⁰ Горбачев. Жизнь и реформы. С. 379, 381.

КПСС, и на страницах прессы, сыграли роль очистительной грозы²¹. Как отметил в дневнике его помощник Анатолий Черняев, «если не было бы Нины Андреевой, ее надо было выдумать»²². Определилась линия фронта, в общественной дискуссии появились новые символические фигуры и термины, исчезла иллюзия того, что «мы все сидим в одной лодке»²³.

Это стало решающим фактором для самоидентификации той социально-психологической группы населения, которую мы называем поколением Перестройки. Горбачев и его соратники оказались перед неосознанным тогда выбором – «поменять коней», используя потенциал этого поколения, или сохранить ставку на партийный аппарат, его наиболее активную консервативную часть. Как и в других случаях, был выбран компромиссный вариант, власть рассчитывала усидеть на всех стульях сразу.

Напротив, интеллигенция вошла во вкус исторических разоблачений (в лексике тех лет речь шла об открытии «белых пятен») и стала двигаться дальше, обращая все меньше внимания на окрики сверху. В ее умах торжествовала «критическая история», приходящая на помощь, «когда необходимо пролить свет на то, сколько несправедливости заключается в существовании какой-нибудь вещи, например известной привилегии, известной касты, известной династии, и насколько эта самая вещь достойна гибели. Тогда прошлое ее подвергается критическому рассмотрению, тогда подступают с ножом к ее корням, тогда жестоко попираются все святыни»²⁴. Подчеркнем мысль Ницше – в рамках такого подхода история подвергается поруганию целиком, а не по отдельным корням и кусочкам. Перестроечная власть же затеяла арьергардные бои.

Чтобы отвести упреки от социализма в целом, в общественный обиход близкими Горбачеву идеологами было внесено понятие «сталинщины», которое вскоре было вытеснено более привычным для советского человека «измом» – сталинизмом. Эпоха правления Сталина стала средоточием всех искривлений и извращений социализма, негативной точкой опоры в оценках прошлого. Гораздо сложнее дело обстояло с позитивными образами, которые можно было бы отождествить с «истинным социализмом». Одной из популярных тем публицистики становится поиск пропущенной исторической развилки, «потерянной альтернативы»²⁵. Речь

---

²¹ См. выступление А.Н. Яковлева на Политбюро ЦК КПСС по поводу письма Андреевой: Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2001. Т. 2. С. 231-235.

²² Черняев. Совместный исход ... . С. 752.

²³ В письме Нины Андреевой были указаны два идейных течения, противостоящих в ее трактовке партийной линии – «неолибералы» и «почвенники». Позже она признала, что позаимствовала эти понятия из публицистики А. Проханова. См. интервью Нины Андреевой 2008 г.: Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки 1985-1991. СПб., 2009. С. 401. О том, что сам Горбачев колебался между указанными идейными течениями, свидетельствует дневник его помощника. Черняев. Совместный исход ... . С. 780.

²⁴ Ницше. О пользе и вреде истории для жизни. С. 178.

²⁵ См. статьи Л. Баткина, Ю. Афанасьева и интервью М. Гефтера в книге: Иного не дано: судьбы перестройки, взглядыываясь в прошлое, возвращение к будущему. М., 1988.

идет о последних работах Ленина, неиспользованном потенциале нэпа, бухаринской концепции «врастания в социализм»²⁶.

Главное, в чем были согласны власть и общество на тот момент – искаженную картину советского прошлого нужно и можно заменить на иную, правильную, которую злые аппаратчики скрывали от народа. И эта новая картина окажется единственной, окончательной, бесповоротной. Подобное упрощение эксплуатировало традиционный для России архетип «спрятанной правды». Партийные фельетонисты поучали профессиональных историков, обвиненных в беспринципном следовании конъюнктуре: «Правда бывает одна – на все времена»²⁷. В ожидании скорого пришествия подлинной истории в школах весной 1988 г. отменяют проведение экзамена по этому предмету (тот же фельетонист скорбит и надеется: «...детишек жалко. Они у нас хорошие. Им нужны надежные проводники, Проповедники Истины...»). Реально существующие историки в таковые, с его точки зрения, явно не годились).

Власть и интеллигенция на тот момент объединились в «попытке создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим»²⁸. Ницше, которому принадлежат эти слова, справедливо указывал на опасность подобного конструктивизма. Однако в нем крылась не только опасность, но и уникальный шанс. Впервые в России правильное прошлое создавалось не под жестким контролем власти, а в диалоге «верхов» и «низов», в результате самых широких общественных дискуссий.

Получившуюся конструкцию можно описать следующим образом. Большевики явились провозвестниками нового социального строя, возглавленная ими революция открыла перед Россией социалистическую перспективу. Семьдесят лет лишений и борьбы были не напрасны, социально-экономические основы советского строя не подлежат пересмотру. Победа Сталина во внутривластной борьбе привела к тому, что позитивный потенциал социализма был на какое-то время заморожен, на первый план вышли негативные моменты «режима личной власти». Для исправления положения необходимо найти ту самую историческую развилку, где был упущен правильный поворот. «Чем сильнее обнаруживало себя стремление уйти от прошлого, от сталинской системы, тем большей была потребность вернуться к истокам, к той точке, откуда движение пошло "не туда"»²⁹.

Процесс реконструкции правильного прошлого описывался в целом в позитивистском ключе. Те же «белые пятна» советской истории следовало один раз от-

---

²⁶ Об этом этапе перестройки советского прошлого см. Бордюгов, Козлов. История и конъюнктура ... С. 51-136.

²⁷ Коровин Е. Федот-Геродот // Правда. 8 июля 1988.

²⁸ Ницше. О пользе и вреде истории для жизни. С. 179.

²⁹ Бордюгов, Козлов. История и конъюнктура ... С. 56. См. также более позднее признание А.Н. Яковлева: «Мы считали как само собой разумеющимся, что строили социализм, но заблудились, а потому надо кое-что скорректировать, чтобы выйти на правильную дорогу». Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 470.

крыть, как открывают неизвестные острова, и нанести на карту. Поэт Евгений Евтушенко подчеркивал, что «мы не сможем двигать нашу историю вперед, если не будем знать ее назубок, вплоть до самых ее позабытых и припрятанных кусочков»³⁰. О «восстановлении достоверной, а не мифологической, идеализированной и романтизированной истории советского периода» говорилось и в мемуарах самого Горбачева³¹.

Правда об исторической правде: перелом лета 1988 г.

Всеобщая увлеченность историей стала не просто трендом 1988 года, она стала центральным фактором, сплотившим в тот момент поколение Перестройки. Оно буквально устремилось в брешь, открытую властью, чтобы утолить жажду знаний, найти в прошлом ответы на самые острые вопросы сегодняшнего дня. Популярным публицистическим образом стал манкурт из романа Чингиза Айтматова *Буранный полустанок* – человек, искусственно лишенный памяти.

В какой-то момент стало казаться, что газета *Правда* превращается в филиал журнала *Вопросы истории*. Достаточно пролистать подшивку за июль 1988 г. Сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС еженедельно готовили «Страницу истории», в которой освещались малоизвестные или закрытые сюжеты пути России в XX веке. Историки КПСС призывали открыть архивы и отказаться от огульного очернительства³². Это выглядело превентивным ответом на упреки общества в том, что они в угоду конъюнктуре скрывали от него «настоящее прошлое». Им не хотелось оказаться козлами отпущения – услужливые фельетонисты уже предложили читателю главной газеты СССР образ «Федота-Геродота», который раз за разом переписывает прошлое в угоду власти имущим³³.

26 июля 1988 г. в *Правде* появилось письмо Ю.Н. Афанасьева, в котором содержался ответ на упреки его оппонентов в излишне критическом подходе к советской истории³⁴. К тому моменту автор уже был известен не столько как специалист по истории Франции, сколько как составитель публицистического сборника *Иного не дано*, ставшего настоящим бестселлером. Афанасьев предпочел не разбирать отдельные доводы оппонентов, а поставил вопрос ребром: «я не считаю созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и деформированным».

---

³⁰ Цит. по: Чечель. Исторические представления ... С. 223.

³¹ Горбачев. Жизнь и реформы. С. 327.

³² Леонова Л.С. Историзм против стереотипов // Правда. 19 июля 1988.

³³ Коровин Е. Федот-Геродот // Правда. 8 июля 1988. Автор заканчивал фельетон характерной сентенцией, обращенной к собирательному образу советского историка: «Одно только ясно – Федот в проповедники не годится. Он хоть и Геродот, да не тот».

³⁴ Афанасьев Ю.Н. Ответы историка // Правда. 26 июля 1988. Комментарий от редакции, отмежевавшейся от Афанасьева, «платформа которого разительно отличается от партийной позиции», уже никого не мог ввести в заблуждение. Указание на то, что письмо было написано 1 июля, свидетельствовало о том, что оно было опубликовано только под давлением сверху.

Данное высказывание сопровождалось ритуальными оговорками: только признав это, «мы найдем в себе силы, и теоретические подходы, и адекватную политику, чтобы заново вырुлить на социалистическую дорогу». Однако, фраза о голом короле была сказана.

Как это ни парадоксально звучит, изложение кредо Юрия Афанасьева было в ту же точку, что и прямо противоположные взгляды Нины Андреевой. Оба письма указывали на то, что власть отказалась от монополии на толкование прошлого, более того – выражала готовность выслушать конкурирующие между собой точки зрения. Решающая битва только разворачивалась. Как справедливо отметил Михаил Гефтер, «в иные минуты нет ничего важнее, чтобы кто-то решился сказать: король гол! Но проходит время, и оказывается, что эта простота мало что объясняет»³⁵.

И все же вектор исторических поисков радикально изменился: теперь следовало искать не пути возвращения к правильному социализму, а формировать его теорию заново. Миф об Октябре и ленинском социализме начал крошиться в умах поколения Перестройки, которое требовало идти дальше. Попытка власти упорядочить пересмотр советской истории «обернулась мощным импульсом стремительного нарастания этого процесса, в котором очень скоро возник и вопрос – был ли у нас вообще социализм и нужен ли он нам (даже и “с человеческим лицом”)?»³⁶.

Лозунг «иного не дано» стал трансформироваться в поиск «иных» путей развития, социализм стал явлением не прошлого, а будущего. Впрочем, отдавать пальму первенства новой постановки вопроса в *Правде* одному лишь Афанасьеву было бы неправильно. Его буквально на несколько дней опередил Сергей Михалков, тонко чувствовавший общественные настроения. В басне он вложил в слова сантехника Степана пророческие слова: «Чем трубы тут и там по всем узлам ломать, не обновить ли в доме всю систему?!»³⁷.

Итак, сантехник Степан дал сто очков вперед Федоту-Геродоту, его природная правда оказалась важнее ученого начетничества. Сегодня простота и даже примитивность предлагавшихся в те годы рецептов лечения общества вызывают в лучшем случае снисходительную улыбку. Если обратиться к козеллековской концепции «пространства опыта» и «горизонта ожиданий», то можно сказать, что поколение Перестройки не имело первого, а потому и второй казался ему столь близким и доступным. До горизонта, за которым начиналось светлое будущее, было рукой подать.

Чем явственнее вырисовывались признаки кризиса в стране, тем безудержнее был оптимизм поколения Перестройки. Многие его представители утверждали, что достичь всеобщего благоденствия можно гораздо быстрее, чем за 500 дней, о

³⁵ Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано ... . С. 301

³⁶ Черняев. Совместный исход ... . С. 739.

³⁷ Михалков С. Две басни // Правда. 3 июля 1988.

которых говорилось в программе Шаталина-Явлинского³⁸. Об уроках истории и цивилизационной специфике России предпочитали не вспоминать. Общность поколения, о которой писал Карл Мангейм (*Generationszusammenhang*), исчезла. Применительно к послевоенной эпохе в СССР Михаил Гефтер сформулировал понятие «разлома поколения»³⁹, только теперь власть имела к данному процессу лишь опосредованное отношение.

Горбачев и его соратники пассивно наблюдали, как тает их поддержка в обществе. Высший эшелон советской номенклатуры терзали сомнения. «Рано или поздно должно было наступить самоисчерпание социализма-мечты, самоисчерпание мобилизационных возможностей его первоначальных идей»⁴⁰. Однако генсек все еще правящей партии вопреки давлению своих либеральных советников продолжал настаивать на оправданности «социалистического выбора». «При принятии всех главных политических и экономических решений он оглядывался на него, полагая, что с этим согласно большинство населения. И добился того, что в глазах публики, которая потом равнодушно взирала на разрушение государства, Горбачев и "социалистический выбор" стали "близнецами-братьями"»⁴¹.

Власть не ощущала больше пульс времени, а все еще советская духовная элита вступила в эпоху междоусобных войн. Ее лучшие представители спешили разменять неожиданно свалившуюся на них популярность на государственные посты и депутатские мандаты. Поколение Перестройки потеряло объединяющие ценности и ориентиры. К началу 90-х гг. оно исчезло как социально-психологическая общность, предпочтя, как уже не раз бывало в прошлом, «ужасный конец ужасу без конца». В следующем разделе будет предпринята попытка ответить на вопрос, почему это произошло так быстро.

Разлом поколения Перестройки

Среди причин разлома поколения Перестройки, шедшего изнутри, доминировали самые тривиальные. Несколько позже, чем стариков и молодежь, материальные проблемы затронули и представителей среднего возраста. Их представление о том, что в условиях застоя качество их жизни находится на уровне «хуже некуда» и возможно только движение вверх, было посрамлено реалиями советской жизни конца 80-х гг. Пришлось бороться за собственное выживание в условиях социальной среды, становившейся все более агрессивной. «Пайки», «талоны», «яр-

---

³⁸ Программа была разработана летом 1990 г. и представлена Верховному совету РСФСР в сентябре, см: <http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-yavl-vs-110990.html>.

³⁹ После победы 1945 г. Сталин привел в действие механизм перманентной гражданской войны, «начала развертываться не описанная еще по настоящему послевоенная трагедия: разлом поколения». Гефтер. «Сталин умер вчера...». С. 305.

⁴⁰ Яковлев. Сумерки. С. 374.

⁴¹ Черняев А.С. Двойной портрет: Брежнев – Горбачев // Полития. 2012. № 3. С. 61.

марки», «распродажи» и прочие варианты товарного обеспечения в условиях нарастающего кризиса раздражали все больше и больше.

Власть, не способная накормить народ, вряд ли могла рассчитывать на его симпатии. Даже читающую публику проблема пустых магазинов волновала больше, чем литературные и публицистические новинки, не говоря уже об основной массе населения⁴². В очередной раз зазвучали голоса о том, что нас обманули, вместо роста материального благосостояния ввергнув в состояние еще большей нищеты. Горбачева стали открыто сравнивать с «кукурузником» Хрущевым.

Вряд ли стоит превозносить деятельный потенциал поколения Перестройки – «она выводила из относительного покоя и бездействия (и мнимой удовлетворенности) миллионы людей, которые были хоть как-то защищены от стихии жизни: недостаточно или неумело работая, они тем не менее могли сводить концы с концами»⁴³. Интерес этих людей и к политике, и к прошлому, был порожден, прежде всего, скукой и однообразием «советского образа жизни». Сочувствие Перестройке не превратилось в стратегию индивидуальных и последовательных действий. На память приходит образ «влюбленного Обломова», который способен лишь на пару мгновений покинуть привычную скорлупу. Митинги на Манежной собирали в 1990 г. сотни тысяч человек, но ходили на них за кампанию, просто потому что это было признаком «современности», так же, как подписка на *Новый мир* или поддержка межрегиональной депутатской группы, сделавшей ставку на Ельцина.

От «единого фронта» советской интеллигенции, поддержавшей на первых порах Горбачева, ничего не осталось. В ее активной части началась ожесточенная борьба клик и течений. О том, как быстро общее дело было разрушено столкновением личных амбиций и групповщины, самокритично писала Марина Жженова, одна из основательниц ленинградского «Мемориала»: «Извечная проблема главенства, власти, парад честолюбий... Мы, как писал Достоевский, "уговаривали на братство", а братства не вышло»⁴⁴. Напротив, «народные фронты» в Прибалтике стали опираться на такую неприличную для поколения Перестройки идеологию, как национализм, и преуспели в сплачивании альтернативного большинства в своих республиках.

Свою роль сыграла и инерция исторических разоблачений. «Попытка сделать из образа Сталина громоотвод не удалась»⁴⁵, равно как и стремление идеологов власти закрепиться на ленинско-октябрьском позитиве. Читающая публика уже не интересовалась судьбами отдельных представителей «ленинской гвардии старых большевиков», она рассуждала о преимуществах тоталитарной модели, на-

⁴² См. Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано ... . С. 155.

⁴³ Земсков И.Г. Крах эпохи. Книга вторая. Горбачев: бросок через пропасть. М., 1999. С. 115.

⁴⁴ Интервью с М.Г. Жженовой // Общественная жизнь Ленинграда ... . С. 501.

⁴⁵ Копосов. История строгого режима ... . С. 121.

ходясь под впечатлением вновь открытой дореволюционной России, сытой и безмятежной⁴⁶.

Даже в мемуарах Горбачев сохранял свое удивление тем, что гласность вызвала «растущую дифференциацию взглядов на идущие в стране процессы»⁴⁷. Его собственные поиски нового лица, поворот к общечеловеческим ценностям не принесли ожидаемых дивидендов. Разлом пришел и во властные структуры, защитники старой системы стали обвинять лидера КПСС в предательстве партийных идеалов. Вопрос о том, что являла собой «Перестройка в СССР: дискредитация социализма и его возрождение?»⁴⁸ – стал не только риторическим, но и потерял всякий смысл для интеллектуальной элиты, если не считать нескольких завязтых аппаратчиков.

Историки, которых совсем недавно носили на руках, попали под огонь критики с двух сторон – их обвиняли и в «очернительстве» отечественной истории, и в «замалчивании» ее самых темных страниц. Постепенно и к ним самим стало приходить горькое понимание того, что баталии вокруг прошлого – не поиск истины в последней инстанции, а конъюнктурное действие, до определенной поры соответствовавшее интересам власти⁴⁹. Историкам не удалось сформировать стабильный дискурс, способный включить в себя ключевые установки столь быстро менявшегося общества. Язык Перестройки оказался слишком динамичным для того, чтобы стать стабилизирующим фактором и инструментом конструктивного диалога с прошлым. Множественность ежеминутно рождавшихся смыслов вызвала оторопь редакторов, которые еще недавно чувствовали себя хранителями системных устоев.

Важным фактором разлома поколения Перестройки стало фактическое открытие границ страны. Зарубежная Европа выглядела для десятков тысяч тех, кто как-то проявил себя и был приглашен в ее пределы, сплошным континентальным курортом⁵⁰. Проект «общеевропейского дома», пестовавшийся властью на закате Перестройки, выглядел не то чтобы иллюзорным, скорее скучным и слишком размеренным. Хотелось всего и сразу, «общее дело» было вытеснено индивидуальными стратегиями спасения. Пессимисты тихо оставались за рубежом, оптимисты мечтали о том, чтобы объявить войну Западу и тут же сдать на милость победителя, потребовав «гуманитарной оккупации» собственной страны.

Смена парадигм затронула не только историков или интеллектуальную элиту. «Прошлое исчезло в том смысле, что обесценились накопленные капиталы – финансовый, социальный, культурный... Это больше всего ударило по пожилым

---

⁴⁶ Историки датируют начало отождествления Ленина и Сталина 1989 годом. См.: Бордюгов, Козлов. История и конъюнктура ... С. 141. На это же время приходится и массовое появление на книжном рынке переводов западной исторической и политологической литературы.

⁴⁷ Горбачев. Жизнь и реформы. С. 326.

⁴⁸ Название главы из «теоретико-мемуарных размышлений» Вадима Печенева, помощника Черненко и Горбачева. Печенев В.А. Горбачев: к вершинам власти. М., 1991. С. 135.

⁴⁹ Бордюгов, Козлов. История и конъюнктура ... С. 3.

⁵⁰ См. Маяцкий М. Курорт Европа. М., 2009.

людям, которые собирались жить именно этим накопленным капиталом во всех его видах»⁵¹. Отсюда то озлобление по отношению к историкам и истории, которая в очередной раз не смогла отстоять свое право называться учительницей жизни. Свою порцию этого озлобления получил и Горбачев, восхищение которым сменилось гиперкритикой и злорадством⁵².

Используя градацию кризисов исторического сознания, предложенную Йорном Рюзеном, мы можем рассматривать духовные поиски второй половины 80-х гг. как движение от попытки запустить «процедуру преодоления кризиса с использованием изначально заданного культурного потенциала» к тотальному разрушению принятой картины мира, когда «под сомнение ставятся сами принципы образования смысла, благодаря которым историческое повествование приобретает последовательность»⁵³. Иными словами, мы имеем дело с движением от поисков совершенствования «социалистического выбора» до его полного отрицания (все что угодно, только не возвращение социализма). В рамках «катастрофического кризиса» память о прошлом была не просто радикально трансформирована – она была вытеснена на обочину общественной жизни, равно как и то поколение, которое так и осталось не востребованным.

Что осталось?

Поколению Перестройки не удалось ни сформировать целостное историческое сознание, ни добиться его доминирования в советском обществе конца 80-х гг. Опросы общественного мнения показывают, что оно вело арьергардные бои за право на толкование советского прошлого, однако неуклонно сдавало свои позиции. Так, в 1990 г. четверть респондентов считала Октябрьскую революцию закономерным итогом развития России, более половины (54,4%) видели причину краха социализма в ошибках руководства страны и менее трети (31,6%) – в самой его природе⁵⁴. Годом позже на вопрос, что важнее, свобода или уверенность в завтрашнем дне, 25% опрошенных высказывались за первое, 54% – за второе⁵⁵. Романтические образы «комиссаров в пыльных шлемах» тускнели и исчезали из общественного сознания, однако в нем оставалась «стихийная левизна», увязы-

---

⁵¹ Левинсон А.Г. Общественное мнение о реформах начала 90-х гг. // История новой России. Очерки, интервью в трех томах. СПб., 2011. Т. 2. С. 8.

⁵² Современник весной 1991 г. отмечал «сдвиг в политическом сознании интеллигенции "перестроечного" толка. Она перестала приписывать Горбачеву то, что она в нем хотела видеть, и старается разглядеть, какими качествами он обладает в действительности». Печенев. Горбачев ... С. 184.

⁵³ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005.

⁵⁴ Опрос проводился в Ленинграде. См. Копосов. История строгого режима ... С. 116.

⁵⁵ Опрос проводился в Санкт-Петербурге. См. Общественная жизнь Ленинграда ... С. 15.

вавшая особый путь России с бесплатной медициной и неспешной работой по способностям.

Для современного поколения, где решающим критерием жизненного успеха является материальный достаток, история превратилась в один из аттракционов парка интеллектуальных развлечений. И все же перестроечная «работа над прошлым» не прошла бесследно. Выделим основные итоги этой работы, которые продолжают оказывать воздействие на интеллектуальные дискуссии в современной России.

На первое место следует поставить доминирование моральной составляющей в оценке событий и личностей прошлого, восстановление исторической справедливости, как бы различно она ни трактовалась. В своих мемуарах Александр Яковлев подчеркивает, что именно «реабилитация жертв политических репрессий остается главным делом моей жизни»⁵⁶. Понятие «покаяния», пришедшее из фильма Тенгиза Абуладзе, трактовалось и трактуется не как признание личной или коллективной вины за произошедшее в стране. Скорее это понимание того, что политика, основанная на насилии, принуждении, лжи и коррупции, не способна стать «дорогой к храму» – в прошлом и будущем.

В рамках такого подхода наиболее востребованными остаются интерпретации истории, которые подчеркивают негативный опыт России в XX веке. Идет ли речь о мировой революции или превентивной войне Сталина, цифрах военных потерь или бессмысленных инвестиций, ментальности советской номенклатуры или убогости повседневного «совка» – в большинстве случаев мы имеем дело с подачей исторического материала в жанре «страшилки», сформировавшемся в конце 80-х гг.

Профессиональные историки так и не смогли вернуть себе утраченные в те годы позиции. Один из ведущих советских ученых, безоговорочно вошедший в поколение Перестройки, А.П. Ненароков, пишет в своих мемуарах: «Сегодня твердо убежден, что именно то время больше всего виновно в полной потере интереса со стороны общества к собственной истории. Именно тогда место фактов заняли их сенсационные интерпретации. А желание целого сонма историков и философов, воспитанных на "сталинской школе фальсификации", публично ликвидировать свои "белые пятна" и "черные дыры" обернулось чудовищной исторической неграмотностью, царящей ныне в прессе и на телеэкране, в появлении новой генерации всезнаек, способных судить обо всем однозначно, как и прежде. Вот что изменилось меньше всего»⁵⁷.

Действительно, историю, которая формирует коллективное сознание российского общества, ныне, как и на исходе Перестройки, рассказывают писатели, сценаристы и режиссеры. Кое-кто из историков не удержался от искушения попробовать себя на поприще публицистики и художественной литературы, кому-то

⁵⁶ См. однотомное издание мемуаров: Яковлев. Омут памяти. С. 240-244.

⁵⁷ Ненароков А.П. В поисках жанра: записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. М., 2009. С. 257-258.

удалось найти свой путь к массовому читателю. Но каждый жанр имеет свои законы. История, написанная как роман, должна иметь свою внутреннюю логику, осмысленность действия и авторское назидание. Как ни парадоксально, все это возвращает нас к кодифицированному прошлому советской эпохи и попыткам его пересмотра в рамках подновленной историософской парадигмы. Сегодня уже мало кто вспомнит, с каким восторгом поколение Перестройки обсуждало подобную концепцию А.С. Ахиезера⁵⁸. *Новая хронология* Фоменко и тому подобные изобретения отвечали на вполне конкретные запросы общества, оставшегося без собственного credo⁵⁹.

Еще ждет своих исследователей политический язык эпохи Перестройки, процесс возвращения в него имен и понятий, насильственно вычеркнутых в советскую эпоху. Некоторые из них, став обиходными, сохранили специфическое значение, которое приобрели в момент своего «второго пришествия». Излишне говорить о том, насколько затронута этим историческая терминология. Без изучения политического языка перестроечных лет невозможно понять, почему в современной России коммунистов относят к консерваторам, а либералов – к правым.

Следы исторического сознания поколения Перестройки можно найти не только в менталитете и дискурсе современного общества, но и в действиях власти. Прагматичные политики «нулевых» прекрасно понимали, что на советском прошлом не заработаешь очков, любые попытки выстроить некую историческую картину обернутся не сплочением, а расколом электората. Отсутствие последовательной исторической политики тормозит формирование демократического консенсуса в современном российском обществе. В то же время здесь есть не только минусы, но и плюсы. Вспомним о провале попытки провести Нюрнбергский трибунал над КПСС, в рамках подготовки которого прилагались немалые усилия для конструирования «темного прошлого». Администрация Ельцина отказалась от судебного процесса не потому, что он грозил серьезной конфронтацией в обществе, а потому, что он не обещал власти никаких дивидендов.

Отсутствие постоянного контроля со стороны сегодняшней власти позволяет достаточно свободно работать профессиональным историкам, а социально активным группам гражданского общества – формировать и отстаивать собственную память о прошлом. Никакие совместные учебники или научные программы не преодолеют «неизбежную конкуренцию ландшафтов воспоминаний», о которой недавно говорилось на российско-германской конференции историков в Мюнхене⁶⁰. Ссылки на послевоенный германский опыт верны лишь отчасти – нынеш-

⁵⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В трех томах. М., 1991.

⁵⁹ Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. М., 2005.

⁶⁰ Цитата из выступления Сабины Айлерс на конференции «Вспоминая диктатуру и войну. Болевые точки исторической памяти в России и Германии после 1945 г.», Мюнхен, 24–25 мая 2012 г.

ний консенсус в отношении «третьего рейха» складывался десятилетиями, сегодня мы имеем дело не с процессом, а с его итогом. Сам процесс был весьма болезненным и отнюдь не быстрым – достаточно указать на «заговор молчания» 50-х, на «упреки отцам» конца 60-х, на «спор историков» середины 80-х гг.⁶¹

Формирование в современной России политической оппозиции на базе «креативного класса» указывает на то, что интерес к советской истории может возникнуть не сверху, а снизу. Молодежь «десятих» вряд ли будет предъявлять претензии поколению Перестройки («бездарно потеряли такую страну»), как это делали ее предшественники, встававшие с колен. Напротив, можно ожидать некоей романтизации тех аспектов советского прошлого, которые будут извлечены на свет в грядущем диалоге внуков и дедов.

Подводя итоги, можно сказать, что перестроечное возвращение к истинному социализму стало историко-политическим концептом, выдвинутым сверху, но ожидаемым и принятым интеллигенцией. Правящая партия и уставший от нее народ в какой-то момент пересеклись на встречах курсах. После долгих десятилетий догматического и конъюнктурного отношения к собственной истории культура общественной памяти и историческая политика власти сошлись в одной точке. Трагической иллюзией оказалась уверенность в том, что эта встреча – всерьез и надолго. Стефан Цвейг писал о звездных часах человечества. У поколения Перестройки это был действительно только час, но такой час, о котором вспоминают всю оставшуюся жизнь. Вспоминают про себя, стыдясь признаться в своей мимолетно вспыхнувшей любви и к Горбачеву, и к социализму.

Поколению Перестройки пришлось расплачиваться за мимолетное увлечение, по неопытности принятое за большое чувство, всю оставшуюся жизнь. Оно отвергло придуманное прошлое, но не смогло найти настоящее будущее. Было бы наивным утверждать, что поколение Перестройки сохранилось в современном российском обществе как некая социологическая общность. Но столь же неправильно говорить о его бесследном исчезновении. Люди, верившие в социализм с человеческим лицом, не могли стать успешными предпринимателями девяностых и успешными политиками нулевых. Стратегией сохранения собственной идентичности для них стало игнорирование перемен.

Их осталось совсем немного, но они не исчезли с лица Земли. Они продолжают работать в школах и библиотеках, в никому не нужных НИИ и Домах культуры. Они продолжают ходить в походы и слушать бардовские песни, отрицая отдых за границей и все то, что появилось после тяжелого рока. Последние из могилкан, они до сих пор чувствуют себя виноватыми в том, что не нашли «дорогу к храму». А значит, общим знаменателем ушедшего в небытие поколения Перестройки было и остается наличие исторической совести.

---

⁶¹ См. Борозняк А.И. Искупление: нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.